

ПОКА ТЫ СМОТРИШЬ

Н. КОР.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Н. Кор

Пока ты смотришь

<https://litres.ru/74129652>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Скажи, пташка, что опаснее: тьма, в которую ты заглядываешь, или человек, заставляющий туда смотреть?»

Алиса Линтон — дочь бизнесмена, живущая в золотой клетке. Отец дал ей всё, кроме свободы. Она мечтает вырваться из-под опеки, жить не по чужим правилам, держаться подальше от опасного бизнеса. Однако, когда её семье начинают угрожать, Алисе приходится начать собственное расследование... ради выживания.

Эзра Хэйвуд — солиситор отца. Человек, которого Алиса не выносит. Он расчетлив, умен и давно продал свою совесть. Он называет себя союзником... Или играет, заманивая в новую клетку? У каждого в доме есть грязные тайны. И Эзра не спешит раскрывать свои.

Их влечение запретно.

Связь может стать роковой ошибкой.

Чем ближе Алиса подбирается к правде, тем яснее становится: настоящие чудовища не прячутся в темноте. Они ходят рядом.

И точно знают, какие цветы ты любишь.

Содержание

ПРОЛОГ	4
Глава 1. Пока не видишь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Н. Кор

Пока ты смотришь

ПРОЛОГ

Лети, лети, сойка,
Пока не вспыхнет зорька!
Укройся за лесами,
За жёлтыми полями.
Охотник тебя ищет.
И день, и ночь он рыщет.
Загнать мечтает в клетку,

Поставить свою метку.
Лети, лети скорее!
Пока что он глупее.
Следы ему запутай.
Окутай душу смутой.
Ты спрячься среди сестричек –
Таких же бедных птичек.
Молчи, не пой, родная!
Иль смерть догонит злая

Алисе было года четыре, когда в телепередаче о животных она увидела выпавшего из гнезда птенца. Спокойный закадровый голос вещал о жизни соек в дикой природе и вдруг буднично, как само собой разумеющееся подчеркнул: «Посмотрите, как суетятся родители: они не знают, чем помочь своему ещё не оперившемуся малышу. К ночи они покидают его: необходимо заботиться об остальном потомстве — и птенец остаётся совсем один. Он обречён. Ночи холодные, кругом снуют голодные хищники. Он пищит слишком громко: скоро «плач» достигнет чутких ушей пробегающей поблизости лисицы...» Алиса топталась перед экраном, страшась отвести взгляд от малыша, и сжимала крохотные кулачки. Ей хотелось просунуть руку в телевизор — подхватить беспомощное тельце, согреть в ладонях, чтобы затем вернуть родителям. Она бы ни за что не дотянулась до такой высокой ветки, зато папа запросто мог посадить её. Вчера вечером он даже достал с дерева запутавшегося воздушного

змея! Она помнила, как храбро и ловко папа карабкался на самую верхушку под одобрительный галдёж гостей. Среди них стояли такие же отцы её друзей, но только Йен Линтон без сомнений кинулся спасти «любимца» детей. Он вообще ничего не боялся.

В кадре показалась луна, а затем безжалостный оператор заснял облизывающуюся лису. В графстве Ноттингемшир наступило утро. Повествование переключилось на пробуждение семейства соек.

Алиса тогда ревела в голос. На шум из смежной комнаты прибежала испуганная няня миссис Рамос, проворная испанка лет тридцати пяти. Вероятно, решила, что непоседливая «señorita Linton» снова расшибла лоб о край стола. На плече висело полотенце с какой-то птичкой: женщина как раз готовила утреннюю ванну — и девочка, заметив его, заплакала ещё громче. На все вопросы она тыкала пальцем в экран: окрепшие птенцы поглощали принесённых родителями жучков.

Няня долго укачивала её. Ванна давно остыла, в спальню дважды заглядывала горничная, справляясь о завтраке, но Алиса продолжала цепляться за платье миссис Рамос. Слезы закончились, рыдания не затихали. Перед глазами застыл образ птенца — голого, потерянного и наверняка напуганного. Он встретил смерть в одиночестве. И хотя Алиса никак не могла успокоиться, детский мозг до конца не осознавал — что значит «умереть». Какая она — смерть? Почему

взрослые её так боятся? Однако в то же время какое-то внутреннее убеждение, древнее и больше девочки, подсказывало: хуже ничего не бывает. И обсохшие слёзы с новой силой катились по щекам.

Вскоре в спальню зашла мама. Алиса увидела её мельком — скорее, ощутила присутствие. От мамы всегда веяло спокойствием. Она не успела сказать ни слова — девочка выкрутилась из хватки няни и стремглав бросилась в родные объятия. Ей казалось, что руки мамы оплетают её защитным коконом. Вот и теперь они нежно сжали плечи, притянули к груди. Под тонкой блузой мерно отбивало такт сердце: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Ненавязчиво пахло цветами.

— Что случилось, попрыгунья? Ты упала? — спросил самый красивый в мире голос.

«Нет! Тогда я бы не стала плакать! Я взрослая!» — расстроенно думала девочка, но нестройные, сбивчивые слова сами полились изо рта. Она лепетала о сойках, лисах и родителях, а мама, едва разбирая половину, кивала с серьёзным видом. Не перебивала, не успокаивала: маленькая Алиса нуждалась в слушателе. С раннего детства она не выносила жалости и тем сильнее закатывала истерики, чем больше её утешали.

Через пятнадцать минут умытая, наряженная в платьице девочка по-взрослому сидела за столиком на террасе. Ели кашу. Впервые за несколько дней солнце выглянуло из-за густых облаков, поэтому было решено завтракать на улице.

Июль выдался на удивление тёплым. Место папы пустовало. Ночью он срочно улетел «по важным-важным делам». В последние месяцы он часто внезапно уезжал. Однажды они с мамой поругались. Алиса очень испугалась: прежде она не слышала, как родители кричат друг на друга, — но наутро на прогулке мистер и миссис Линтон держались за руки. Девочка радостно носилась рядом. Она точно знала: если человек перестаёт нравиться, то ты не захочешь, чтобы он тебя трогал. Подсказывал опыт. Недавно она поссорилась с Карлом Фитчем: он толкнул её в лужу, за что получил удар в нос. С тех пор родители Карла пытались их помирить. Подсылали сына с конфетами и игрушками, привозили дважды в неделю в особняк. Однако Алиса Линтон была непреклонна. Карл больше не нравился ей. Папа смеялся: «Моя дочь!» Мама качала головой. Родителям Карла оставалось только смириться.

От деревьев долетало звонкое щебетание. Алиса, до того увлечённая едой, вдруг прислушалась. Губа задрожала. Чуть улыбнувшись, мама похлопала её по ладони.

— В природе так заведено, — сказала она мягко, — сильные живут, слабые погибают. Это называется «естественный отбор».

— Но неужели лиса не пожалела птенчика?! — пролепетала девочка, всхлипнув. Соскользнувшая с ложки голубика покатила по столу.

— Она тоже выживает, попрыгунья. Разве ей не надо пи-

таться? Хищники не едят траву. — Достав из кармана платок, мама утёрла покрасневший от слёз нос девочки. — В этом мире всем приходится выживать.

— И таким, как мы? — спросила Алиса с робким интересом.

Горничные у двери сдержанно захихикали. Миссис Линтон на секунду поджала накрашенные губы, будто вопрос задел нившую много лет рану. Ветер слегка трепал светлые волосы. Девочка засмотрелась: сколько она себя помнила, мечтала вырасти похожей на маму. Все гости в их доме называли Элизабет Линтон красавицей, но мало кто из них представлял, какой внеземной она выглядела в минуты задумчивости. Как прекрасная фея из сказки.

Наконец мама проронила:

— Да, попрыгунья. Людям тоже приходится непросто.

Алиса не растерялась:

— Зато у нас есть папа! Он точно спасёт от всяких лисиц!

Ей не ответили. Уловив особым, детским чутьём неладное, девочка перебралась к ней на колени. Мама прижалась щекой к макушке, и Алисе померещилось, что на кожу упало что-то тёплое и влажное. Завтрак продолжился.

К тому моменту семейная идиллия трещала по швам.

Глава 1. Пока не видишь

*«Кто сражается с чудовищами, тому
следует остерегаться, чтобы самому
при этом не стать чудовищем»
Фридрих Ницше «По ту сторону добра и зла»*

Йен Линтон обладал исключительным талантом вытаскивать из людей правду.

Он не давил, не устраивал скандалов, не прибегал к угрозам или допросам с пристрастием. В самых разных ситуациях он сохранял внешнее спокойствие, а голос звучал расслабленно, вполне дружелюбно. И глаза Они всегда смотрели внимательно, серьёзно, с той степенью участливости, которой ожидаешь от собеседника. Иногда в них мелькал озорной огонёк. Одновременно на губы ложилась лёгкая улыбка. «Да-да, я слушаю», — говорил он всем видом.

Кто-то сравнил бы его с хищником, притаившимся в высокой траве: как только добыча потеряет бдительность — вцепится в горло, раздерёт бока когтями. Однако люди, знавшие бизнесмена ближе, вряд ли разделяли подобную точку зрения. Для них Йен Линтон не мог ассоциироваться ни с кем другим, кроме человека в самом философском смысле этого понятия. Торжество разума в чистом виде.

Хищники жили инстинктами. Мистер Линтон опирался на холодный расчёт. И потому был куда опаснее.

Он не подбирал удобного момента: вёл диалог буднично, поддерживал шутки и смех, поднимал бокалы за здоровье собеседника. Обычная обстановка, обычный разговор. Кто догадывался, что происходило в голове Йена Линтона в тот момент? Кто мог предположить, что ему уже известны маленькие, но важные секреты человека напротив — те, что тщательно утаивались от лишних глаз и ушей? Хватало одной брошенной между делом фразы, тонкого намёка на информированность, чтобы непринуждённая атмосфера дала

трещину.

О, Йен Линтон не выжидал момента для нанесения удара по «жертве», но умел превращать любой процесс в шоу.

Он не прибегал к какому-нибудь хитроумному обману — всего лишь забрасывал удочку и делал вид, что имел под рукой полный набор доказательств. Капкан захлопывался. Дальше оставалось смириться, выложив правду от «а» до «я», или до последнего вырваться — врать, оправдываться, изображать непонимание. Когда человек попадал в двусмысленное положение, желание обелиться возникало сродни инстинкту самосохранения. Даже если обвинение не было прямо озвучено.

Его, конечно, не интересовали чужие любовницы, семейные драмы, пристрастия к азартным играм или специфические культурные предпочтения. Личная жизнь приближённых оставалась личной. В этом отношении он придерживался строгих джентльменских правил: никогда не демонстрировал осведомлённости, пока собеседник не поднимал вопрос сам.

Негласные правила не распространялись только на два исключения: семья и бизнес. Здесь уже тайна автоматически попадала в список потенциальных угроз, а к человеку, пытавшемуся спрятать её поглубже, намертво прилипала бирка «не доверять». Потом сколько угодно отпирайся, ползай в ногах, клятвенно заверяя в ошибке, хоть расшиби лоб о пол — поздно. Йен Линтон как минимум запоминал ошиб-

ку. Дальше всё зависело от обстоятельств, личности «виновного» и степени вероятного ущерба.

Алиса знала по личному опыту: отец бывал и легко отходчивым, и крайне непримиримым. В нём будто уживались две противоположные личности. За шесть с половиной лет она так и не научилась определять причину их «переключения».

В каждой нормальной семье поводы для ссор находились постоянно. Мама ненавидела конфликты, предпочитая решать проблемы разговором по душам. Она не осуждала увлечения дочери, не критиковала выбор друзей — в общем, давала необходимую подростку свободу. В пределах допустимого. Её напутствия звучали мягко, без навязывания «правильного», «взрослого» мнения.

«Думай, попрыгунья, — сказала она как-то, — никто не прицепит тебе свою голову и не решит лучше тебя. Учись выбирать без посредников». На тот момент борьба мамы с болезнью прошла точку невозврата. Элизабет Рикман тихо, но мучительно угасала. Алисе едва исполнилось двенадцать — слишком мало, чтобы всерьёз задумываться над значением советов.

Потому, выросшая под тёплым крылом всепонимающей матери, она долго не могла приспособиться к сосуществованию с отцом. В детстве он казался сказочным рыцарем — тем, кто без страха снимал воздушных змеев с верхушек деревьев, показывал фокусы и легко побеждал всяких плохих ребят. К тринадцати, вновь переступив порог особняка,

Алиса с трудом выговаривала «да, сэр» в его присутствии. Вместо рыцаря перед ней очутился строгий, иногда пугающий мужчина с холодными серыми глазами. Они напоминали лондонское небо — такое же неприветливое и хмурое. Первое впечатление после долгой разлуки тоже оказалось ошибочным: отец обладал редкостным обаянием, любил хорошо проводить свободное время и почти ни в чём не отказывал. Почти.

Дом Линтона жил по его правилам. Иронизируя, Алиса собирала их в одну общую фразу: «Контроль, ограничения, *правильный* выбор». Попробуешь высунуться из гнезда без команды — тебе непременно подрежут крылышки, чтобы не смелшний раз ими махать. Поначалу это злило. Заставляло бросать вызов, неловко цепляться лапками за право на свободу снова и снова, пока от маленьких крылышек не сохранились жалкие обрубки.

Повзрослевшая «мисс Линтон» из кожи вон лезла в попытках избежать столкновения с отцом. Она ещё сопротивлялась: упрямство значилось родовой чертой — только сопротивление теперь напоминало подпольную борьбу. Порой, точно одинокий революционер на площади, она выкрикивала «освободительные» лозунги — позволяла себе огрызнуться, затеять спор или выразить недовольство. Иначе говоря, допускала глупую оплошность — выходила из себя.

Больше всего на свете Йену Линтону нравились дискуссии. Он получал настоящее удовольствие от морального раз-

мазывания оппонента по твёрдой поверхности. Причём страховки от его мании не существовало. Кровное родство как будто многократно увеличивало жестокость «расправы». Он называл это «уроками на будущее». Алиса — просто издевательством. Она явно не выдерживала заданный им темп. Да и сложно состязаться в красноречии, когда злость застилала глаза пеленой и в груди мучительно горела обида. Рядом с пугающе спокойным отцом она выглядела как размахивавший кулаками ребёнок. Осознание пропасти между ними задевало чуть ли не сильнее нравоучительного тона.

Отец и правда видел в ней маленькую девочку. Цифра в паспорте ничего не значила.

При заданных переменных следовало прикусить язык и помалкивать, стоило разговору затронуть спорную тему. Обычно девушка поступала именно так, если не обращались напрямую. Однако вчера за ужином не сдержалась: ввернула язвительный комментарий, ответила на вопрос с подвохом — и атмосфера за столом резко загустела. Отец бросил заинтересованный взгляд. Вклинившаяся в беседу для смягчения градуса Натали замолчала на полуслове, точно получила по рёбрам. В иной ситуации Алиса бы пожалела о сказанном секунд через десять. Да, наверняка пожалела бы, не зайди речь об университете. Дэрил Пратт, старый друг и доверенное лицо Линтона, заговорил о нём специально. Ни для кого в столовой не являлось секретом: она бы забрала документы при первой возможности. Единственная причина,

которая крепко удерживала её на юридическом факультете UCL, восседала во главе стола.

— Мисс Линтон! — насмешливо воскликнул отец. — Какая решительность! Два года вы сухо информировали нас, что в университете всё в порядке, а на третьем даёте залп: не хочу, не буду, мне не нравится. Наконец-то вы сказали это вслух! Уважаю.

Алиса стиснула зубы. Мысленно досчитала до трёх.

— Я не скрывала, — проговорила она, сжимая вилку. — Это твой *правильный* выбор. Я собиралась поступать в...

— Уважаю, мисс Линтон, — перебил он. Бокал в руке качнулся в её сторону. Девушка сжала губы. Жест скорее походил на предупреждение, чем на «salute». — Нет, правда. Ваша смелость не знает границ. Два года молчать и — Он отхлебнул вино. Коротко помолчал, подбирая нужную формулировку. — Может, тебя отправить на практику к нашему несравненному мистеру Хэйвуду? Будет образец любви к профессии под боком. Когда-то вы с ним здорово ладили.

Лицо вспыхнуло. Алиса яростно посмотрела на отца. Проводить по девять часов с Хэйвудом? Лучше утопиться в Темзе.

Йен Линтон приподнял брови. Уж ему-то точно не приходилось разжёвывать «тёплое» отношение дочери к солиситору. В конце концов однажды именно отец явился катализатором их разлада. Не первопричиной — ту Алиса мысленно прописала на лбу Хэйвуда: «Чёртов пёс на побегушках». Его

преданность хозяину напрочь отметала принципы морали, гуманности и дружбы.

Натали робко попробовала перевести тему. Кажется, она заговорила о запланированной на конец сентября поездке на Мальорку. Бесплезно. Остальные присутствующие за столом не поддержали её даже из вежливости.

— Что, практика в компании Эзры тоже не нравится? — картинно всплеснул руками отец.

Его гипнотический взгляд словно прилип к Алисе, заставляя невольно заёрзгать на стуле и до боли в плечах выпрямить спину. Всё внутри сжалось от непонятного предчувствия.

— А-а-а, я, кажется, понял, — Глаза совсем недобро сощурились, указательный палец прицельно ткнул в сторону девушки. Как дуло пистолета. — Не хочешь надолго расстаться с этим как же его — Отец несколько раз щёлкнул пальцами. Сердце пропускало удары в такт звуку. — Дэрри, как его? Из головы выскочило.

— Пол, — любезно подсказал Пратт.

Алиса ощутила себя неудачником, под которым внезапно порвалась верёвочная лестница. Она кое-как балансировала на шатающихся досках и видела безопасный уступ на расстоянии двух шагов, но за ворот крепко держали, готовясь столкнуть в пропасть.

— Точно. Что за дурацкое имя? Ну да ладно. Пол так Пол. Будем считать, что у его мамочки отсутствовала фантазия. Новый глоток. Оцепеневшая то ли от страха, то ли от сдер-

живаемого гнева Алиса заворожённо наблюдала за движением горла. Наверное, нечто подобное испытывали смертники перед казнью: палач точил прямо перед ними лезвие топора, и они почему-то не отрываясь следили за его движениями.

— Я к чему, — продолжал отец, — мне не нравится, что родная дочь причисляет меня к тиранам. Львов в Африке отстреливаю, приторговываю органами и на досуге разлучаю влюблённых. Прямо картонный злодей, да, милая? — Она стиснула зубы: ответить ему сейчас означало бы добровольно подставиться под удар. Он хмыкнул. — Ну, будем считать вопрос риторическим. У тебя на мордашке написано: «Попробуй докажи обратное».

— Вспомни себя в её возрасте, Йен. Вряд ли ты воспринимал родителей не как извергов, — с милым акцентом отметила Натали, накалывая на вилку кусочек мяса. Ямочки на щеках делали женщину невероятно привлекательной, поэтому отец не удержался от ответной полуулыбки. — Она перерастёт.

— В её возрасте я уже приторговывал подержанными автомобилями, но твоя правда, Нат: матери боялся больше огня. Я рано перестал волноваться из-за чудовищ под кроватью, потому что самое страшное из них обычно звало меня на ужин. Клянусь, Джон Крамер брал бы у неё уроки.

Все посмеялись. Алиса сильнее поджала губы. Вот оно — шоу Йена Линтона, звёздный час. Слова для него что шарики: он умело жонглировал ими, развлекая публику. Создавал

видимость, что не собирается возвращаться к метафорической «удочке».

На самом же деле он не выпускал ту из рук — лишь слегка ослаблял хватку.

— Понимаешь, милая? Мне приходилось хуже, чем тебе. В отличие от твоей бабушки, мне свойственна дипломатичность.

— Из-за этого ты отселил её в Брайтон? — язвительно осведомилась девушка. — Из-за обиды?

— Ой, да брось! Кто бы смог затащить её туда, не гори она идеей переехать? Моя мать — *не кто-то другой!* — предпочла хлопнуть дверью перед моим носом, убравшись на край света. Я её не выгонял. Я вообще не очень злопамятный. Хорошая душа, знаешь ли.

Смешок сорвался с губ раньше, чем Алиса подумала о последствиях. Сначала бабушка, потом мама. Хорошая или нет, душа явно отворачивала от себя самых близких людей.

Отец без труда раскусил направление мыслей. Он по-прежнему выглядел расслабленным. Разве что в воздухе ощутилось повисло напряжение.

— Вернёмся к нашему таинственному Полу. Полагаю, невежливо спрашивать, почему я о нём не слышал. Мне же в итоге рассказали, да? Получается, мы оба поступили нехорошо: ты и я. Согласна?

— Мои отношения тебя не касаются.

— А здесь я не согласен. Отцы вправе переживать за до-

черей. Я бы сказал, мы *обязаны* переживать за вас. Всё-таки вы связываетесь с нашими подобиями — другими мужчинами. Как тут успокоиться?

— Йен — предостерегающе проронила Натали.

На красивом лице читалось осуждение. Она понимала, к чему вёл разговор.

— Что? — с искренним удивлением бросил он. Мягко сжал ладонь жены. — Я всего-то собираюсь сказать, что без проблем организую им совместную практику у моего лучшего юриста. Он ведь с тобой учился, твой Пол? Если у парня мозги на месте, не откажется. Как ты на это смотришь, милая?

— Нет, — коротко произнесла Алиса.

— Мисс Линтон. — Картинно вздохнув, отец сжал переносицу. — Я действительно не понимаю. Теперь-то что не так? Мне исключить Хэйвуда из нашего компромиссного уравнения? Хорошо, я подберу другого наставника. Хотя, не буду скрывать, считаю твоё неприятие Эзры притянутым за уши. Ты не маленькая. Должна осознавать причины некоторых поступков, пусть они тебе и не нравятся. Он же не человека убил, в самом-то деле!

Яростное: «Он убил нашу дружбу», — сидело за закрытым ртом. Сейчас ей точно не хотелось спорить по поводу Хэйвуда. Настроение окончательно испортилось. В такие моменты душевной неуравновешенности следовало вовремя притормозить.

Разумная часть твердила: «Вставай, уходи!» Вторая, более неудержимая, скалилась: «Скажи ему правду, ну же! Он не сможет тебе запретить, зато ты насладишься его шокированной физиономией!»

— Он со мной не учится, — выпалила Алиса.

Отец подался чуть вперёд, упёрся локтями в стол.

— Извини. Не расслышал.

— Пол со мной не учится, — повторила она сквозь зубы.

— Где же он учится? Возможно, работает?

К щекам вновь прилил жар.

Промолчать — лучший выход.

Соврать — идеальная альтернатива.

— Он музыкант. Играет в группе.

Повисшую тишину разорвал звук заработавшей газонокосилки. Отец поморщился. Непонятно, что доставляло ему больший дискомфорт: шум с улицы или дерзость, с которой дочь бросила последнюю фразу.

— Музыкант, — сказал он задумчиво. — Какая прелесть. Со стандартным набором «профессиональных» качеств, надо полагать? «Нет» трезвости, скуке и безопасному сексу?

Со скрежетом отодвинув стул, Алиса встала. В зеркале отразилось покрасневшее лицо. Ноги несли её прочь из дома — из душастых, ненавистных стен. В грудной клетке неистово колотилось сердце. Оно точно собиралось переломать рёбра и вывалиться наружу — продемонстрировать присутствующим, насколько издёвка задела владелицу. Отец бил

без сожаления. И черту подводил столь же жестоко.

Не успела девушка пересечь столовую, как вкрадчивый голос заставил её замереть.

— Мисс Линтон, если, не приведи Бог, птичка мне на хвосте принесёт, что вы прогуливаете занятия, нарушаете дисциплину или иным образом выражаете протест, я отыщу вашего музыканта и скину в кроличью нору подальше от Лондона. Вы меня слышали?

Она зажмурилась. Глаза щипало от злых слёз.

— Спрошу ещё раз. Слышали, мисс Линтон?

— Да.

Это жалкое, сдавленное «да» прозвучало неожиданно громко. Закон подлости работал как полагалось: чёртова газонокосилка умолкла после вопроса. От унижения навернулись злые слёзы.

— Не смею задерживать бегство.

Природа не одарила людей глазами на затылке, зато фантазия живо нарисовала жест отца: взмах ладонью — вроде попытки отогнать муху. Несмотря на острые уколы страха, захотелось крутануться на пятках, крикнуть прямо в насмешливую физиономию: «Пошёл ты!»

Она сжала кулаки. Почти обернулась, почти открыла рот.

Почти.

Инстинкт самосохранения на ультразвуке заверещал в рупор. Алиса медленно двинулась к лестнице, поднялась в спальню и допоздна просидела за конспектами. Телефон

время от времени вибрировал от оповещений. Она с надеждой хваталась за него, чтобы затем бросить обратно на кровать.

Пол не писал. Напротив последнего сообщения от него горело «6:12 p.m.». С тех пор он не появлялся в сети. Да уж, проклятый закон подлости продолжал безотказно действовать. Её парень пропал с радаров не вчера, не через неделю — сегодня, когда ей болезненно требовалось поговорить с ним, поделиться.

Наутро паршивое настроение никуда не делось. Выспаться не получилось: мысли мешали провалиться в глубокий сон, из-за чего девушка полночи вертелась из стороны в сторону. В затылке противно пульсировало. К тому же, накрапывал дождь. За грязными обрывками облаков не виднелось ни намёка на солнце.

Лениво болтая в стакане воду, Алиса прижалась лбом к окну. Таблетка обезболивающего с шипением растворялась, выпуская тысячи пузырьков. Вряд ли поможет. Некоторое время назад головные боли превратились в неотъемлемую часть будней. Забеспокоившийся отец в принудительном порядке направил её в клинику, где после кучи исследований, анализов и осмотров доктор Ашер, семейный терапевт, вынес неутешительный вердикт: стресс, переутомление, мышечный спазм. «Поменьше нервничайте, мисс Линтон. Делайте зарядку. Учёба началась две недели назад, не переусердствуйте на старте. Понимаю, вы ответственная де-

вушка, но не забывайте отдыхать», — наставлял он. Алиса не спорила. Откуда старику знать, что повод для её стресса крылся вовсе не в университете и что расслабляться в доме Йена Линтона умел один Дэрри Пратт — и то в моменты пьяного забытья?

Охранники, болтавшие под окнами, синхронно повернулись ко входной двери. Кто-то махнул им рукой из-за колонны, раздалось приглушённое «Кемаль». Мужчина, стоявший справа, поспешил к порогу, принял у позвавшего его человека коробку в подарочной упаковке и сел в машину.

Алиса не удержала разочарованный стон. Обычно Кемаль отвозил её на занятия. Он нравился ей больше других. Помимо внешности турецкого актёра с полным набором данных: от высокого роста и поджарого тела до обворожительной улыбки на бородатом лице, — он обладал характером настоящего мужчины, то есть не спрашивал лишнего, часто смешил дурацкими шутками и по обстоятельствам выступал крепким дружеским плечом. А ещё, *в отличие от некоторых*, имел совесть хранить чужие секреты на замке.

По мере отдаления автомобиля от ворот, настроение портилось окончательно.

Просто прелесть. Сложно представить более идеальный день для хандры.

Телефон издал противный повторяющийся звук. Сработал будильник. Будто дождавшись сигнала, в комнату постучали.

— Я не одета, — мрачно заявила Алиса, залпом выпивая содержимое стакана.

— Ты же меня не стесняешься? — беззаботно уточнила Натали и тихо прикрыла за собой дверь.

Скривившись, девушка с ногами забралась на подоконник. Из-за позы сорочка задралась до бёдер, однако Алиса не одёрнула её. Улица всё равно опустела.

Не спрашивая разрешения, мачеха присела рядом. Для семи утра её внешний вид был неестественно хорош. Каждая деталь работала на это: светлые короткие волосы, аккуратно заправленные за ухо, лёгкий макияж, джинсы, широкая рубашка, приспущенная до ключиц, свежий аромат духов. Натали являла собой воплощение женственности в классической форме. Возле неё многие красавицы почувствовали бы неловкость: она отлично осознавала свою привлекательность, уверенно демонстрировала её и бесстыдно пользовалась.

Даже Алиса, уживавшаяся с ней бок о бок который год, иногда терялась от смущения. В подростковом возрасте ей мерещились ядовитые шепотки за спиной: «Гадкий утёнок и прекрасный лебедь под общей крышей». Воображение, конечно, играло злую шутку. Ничего подобного не посмели бы сказать в доме Линтона. Отец не разбирался: он в равной степени защищал обеих и не терпел публичные оскорбления в их адрес. Человек, посмеявшийся задеть «его девочек», мигом превращался в персону нон грата без права на помилование.

Объясняй потом, что неудачно пошутил.

Своеобразное выражение любви и привязанности мистера Йена Линтона.

Он как раз сбежал по ступенькам по направлению к машине. Завидев его, Алиса дрогнула, сжалась. Кольнул трусливый порыв спрыгнуть с подоконника, чтобы забиться вглубь комнаты. Только бы не посмотрел! Она не до конца понимала природу страха перед отцом: нечто первобытное перекрывало кислород и учащало сердцебиение.

Интересно, сколько детей после совершеннолетия продолжали трястись перед родителями? Едва ли такая реакция взрослого человека на других взрослых людей считалась психологической нормой.

Натали тоже заметила Линтона.

— Твой отец — сложная личность, — сказала она. — Он не собирался тебя обижать. Он действительно переживает.

Алиса раздражённо вздохнула.

— Ты решила заделаться миротворцем? Не выйдет, Нат, я не в духе. Если собираешься защищать его, то лучше сразу уходи.

— Я вообще не планировала никого защищать, — возразила та. — Сами разберётесь. Просто знаешь, мы с ним четыре года вместе и кое-что о нём мне ясно. Йен ужасный собственник. Это его не красит, но перевоспитывать поздно.

— Нат...

— Ладно, ладно! — примирительно выпалила мачеха. —

Обещаю отстать в обмен на твоё согласие съездить со мной за платьем в субботу. Мне нужен советник.

— Позови подругу.

— Она второй день шлёт мне фотографии из Шанхая.

Алиса мрачно уставилась в окно. О Натали следовало понимать ещё две вещи: она мазохистски наслаждалась восьмичасовыми прогулками по магазинам и обладала завидной настойчивостью. Стоило маниакальной идее поселиться в её мозгу, старания отделаться резко оборачивались разговором со стеной.

— Ну же. Мы сто лет не выбирались на прогулку вдвоём.

— Так себе аргумент.

Натали любовно шлёпнула её по колену. В отместку Алиса слегка подтолкнула женщину с края подоконника. Достаточно, чтобы та соскользнула.

— Не будь врединой.

— Пока, Нат.

— Я засуну тебя в багажник.

Что ж, ей бы хватило ума повернуть нечто подобное. В стремлении добиваться поставленной цели ей не уступал разве что *Тот-чьё-имя-Алиса-зареклась-сегодня-вспоминать*. На всякий случай. Порой у обычного имени проявлялось мистическое свойство случайно призывать его обладателя.

Дверной замок тихонько щёлкнул, оповещая об уходе Натали. Алиса собрала волосы в хвост, подцепила косметичку

и вдруг поймала на себе пристальный взгляд. Машина отца выехала из ворот, и во дворе перед домом остался единственный человек.

По коже побежали мурашки. Несмотря на наличие одежды, она ощутила себя обнажённой под прицелом камер. Впрочем, смущения не возникло. Прикусив губу, она провокационно приспустила бретель сорочки до середины плеча, нарисовала в воздухе сердечко и тут же прислонила к окну средний палец.

Неприличный жест не стёр улыбку мужчины. Напротив, она стала шире, насмешливее. Он, без сомнения, ожидал выпад — если не сказать рассчитывал на него.

У мистера Эзры Джеймса Хэйвуда, безупречного, любимого пса Йена Линтона, тоже водилось специфическое «хобби». Под стать хозяину.

Он заявлялся в особняк именно тогда, когда Алиса особенно желала не лицезреть его красивую физиономию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.